

Галина Ивановна Соснина родилась на Енисее, после окончания Томского пединститута долгое время работала в Якутии, преподавала английский, была директором школы. В 1984 году переехала в Свободный. С 1989 года живет в Углегорске. Автор сборника стихов «Судьба моя — Россия» (Свободный, 2000) и книги «Дальневосточная космическая гавань» (Благовещенск, издательство «Зея», 2001), посвященной истории и людям космодрома Свободный. И вот совсем недавно, в октябре 2003 года, в издательстве «Зея» вышла отдельной книгой ее документальная повесть «Родные корни», где рассказывается об истории одной семьи в нескольких поколениях, начиная от прихода на Енисей молодой четы крестьян-переселенцев. События, описываемые в повести, охватывают целое столетие.

РОДНЫЕ КОРНИ

Отрывок из повести

Уж много дней и ночей лежит Иван в госпитале старого русского города Вологды. Говорят, что фашисты дважды бомбили их состав по пути сюда, словно и не видели красного креста. Иван ничего не помнит, он долго был в забвении. Очнулся в госпитале, что разместился в здании школы. Высокие белые потолки, десяток кроватей в палате, голые березы за окнами. А перед глазами все проплывают картины атак, от которых становится невыносимо жарко и жутко. Во сне Иван кричит. В такие минуты дежурная сестра прикладывает прохладную ладонь ко лбу Ивана и тихонько поворачивает его набок, приговаривая: «Успокойся, милоч, успокойся. Война далеко». От ее ласкового голоса приходит умиротворение, и он засыпает. Снова видит бой, кровь и себя, здорового и невинного, и недоумевает, неужели жив? Удивительно!

Сегодня в нем что-то изменилось. Иван еще не знает что, но чувствует, что он и слышит, и видит, и воспринимает все как-то по-другому. Удивительно громко тикают его часы, подвешенные на ремешке к спинке железной кровати. Раньше он не слышал их тиканья. Ветер раскачивает макушки берез за окном, а раньше, приходя в себя, он не помнил, что бывает снег и ветер. Пошевелил руками, обрадовался, что целы. Ощупал всего себя, все на месте. Хотел повернуться набок, острая боль сразу напомнила ему о последнем бое и о ноге. Нога была в бинтах, толстая и какая-то неживая. Огляделся, на всех кроватях лежат раненые. Интересно, кто они, откуда, где воевали? В палату вошли врач и дежурная сестра. Увидев Ивана с открытыми глазами, радостно улыбнулись. Врач похлопал Ивана по плечу:

— Прекрасно, молодой человек. Прекрасно. Теперь вы будете долго жить. Все осколки из вашего тела мы вынули, а нога заживет. Время все лечит. — Подмигнул дружески и пошел к другой кровати.

Иван повторил про себя слово «жить». Жить? Как тут жить? Разве можно назвать это жизнью? Прикован к кровати, перебинтован, как кукла. И тут же вспомнил Катю. Тело словно облили холодной водой: где Катя? Почему он так долго не вспоминал ее? Что с нею, с их сыном? Какое сегодня число?

Насилу дождался, когда закончится обход, и повернулся к соседу по кровати. Это был мужчина лет сорока пяти, спортивного телосложения. Лицо чисто выбрито, в темных волосах серебряные нити, усы аккуратно подстрижены.

— Простите, пожалуйста... А какое сегодня число?

Иван не узнал своего голоса. Мужчина отложил газету.

— Ну, давай знакомиться. А то лежим рядом почти месяц, скоро родными станем. Николай Михайлович я. А число сегодня двадцатое, январь на дворе.

Он видел, как Иван поник, закрыл лицо руками и отвернулся к стене. Когда привезли Ивана, Николай Михайлович уже мог обслуживать себя. Левая рука в гипсе, но ведь есть правая, а она важнее. Левая нога в гипсе, разворочена ступня, но ведь и это поправимо. Главное, можно жить. Николай Михайлович всегда был оптимистом. Он радовался новому дню, просыпаясь утром, он восхищался рассветами, по вечерам любовался закатами; как в детстве, его удивляли узоры,

нарисованные морозом на оконных стеклах. Он страдал, что война выбила его из строя так рано, но верил, что еще успеет отомстить фашистам за все. Он успел привязаться к этому молодому парню и сейчас очень хорошо понимал его состояние.

— Не грусти, дружище! Все это временно. Зарастут раны. Меня вот подлатали, скоро снова в строй, а ты молодой, значит, кости быстрее срастутся. Женат?

— Женат. Катюшка у меня и сын. Когда уезжал на фронт, всего неделя ему исполнилась. Потеряли они меня теперь, долго не писал.

Разговорились о родных, о доме, о той жизни, что была до войны. Потом, вспомнив трудные осенние бои, задумались, приумолкли. Оба увидели вновь бесчисленные холмики свежих могил. Засыпая, Иван решил завтра же написать Кате письмо. А под утро ему снова приснился бой, с кровью и смертью. Фашисты лезли, как саранча, кто-то давил на грудь, на ноги. Прохладная ладонь опять спасла его от кошмара.

Открыв глаза, Иван увидел рядом с собой женщину в белом халате, лет тридцати пяти — тридцати семи, круглолицую, кареглазую. Глаза веселые, губы ярко накрашены. От нее повеяло молочно-травяным запахом лета, утренней росой, чем-то родным, деревенским, и Иван улыбнулся незнакомке.

Это была медсестра Людмила, которая работала в госпитале с первого дня войны, очень жалела раненых, всячески старалась облегчить их боли. Муж ее воевал. Сына и дочку отправила к матери в Омскую область.

Иван увидел близко ее сияющие глаза, и ласковое «милоч» согрело его душу. Что она сказала? Ах, да. «Скоро поправишься, милоч».

Пролетели еще недели две, письмо он так и не написал. В душе копилось раздражение на себя и на Катю, которая так далеко. Она-то живет. Жива и невредима, фашисты далеко. Мама, папа рядом, и никаких забот. А он что, разве живет? Один, прикованный к постели, и ни одного близкого человека рядом. А сам, не отдавая себе отчета зачем, ждет каждый день встречи с Людмилой, чувствуя в ней что-то материнское, чего ему не пришлось испытать в детстве. Он еще очень слаб и нуждается в посторонней помощи. Днем помогают Николай Михайлович и Дмитрий, сосед по кровати справа. А когда те отдыхают — Людмила. Она и подушку поправляет не так, как это делают мужчины, и вода из ее рук гораздо вкуснее. Иван неулыбчив. В глазах боль и отчуждение. Но душа все больше раскрывается на это удивительное «милоч» и тянется к ней, как цветок к солнцу.

Однажды она спросила

— Ты несчастлив, Иван? Я не ошибаюсь?

— С чего ты взяла? Сама-то знаешь, что это такое — счастье?

— Да уж знаю, — посуровев лицом, ответила Людмила и молча отошла от кровати.

Иван закрыл глаза и решил прокрутить свою жизнь, словно бы со стороны посмотреть, счастлив ли он. И поплыли пе-

ред глазами моменты счастливого общения с женой, их короткая совместная жизнь, ее ласковые руки и губы, которые он узнал бы из тысячи, доброе отношение родных Катюшки к нему, Ивану. Но какой-то бес стал вдруг перепутывать все: на месте Кати в лодке с ним плыла Людмила, целовал и обнимал на пароходе опять ее, и даже на «их» камне он сидел с Людмилой. Иван злился, гнал прочь это наваждение, ненавидел себя, презирал. Искал причины такого поворота событий, но не видел их.

Несколько дней пролежал, отвернувшись к стене. Когда успокоился, не стал вовсе смотреть в ее сторону.

Людмила привыкла всем нравиться. Были и такие, кто не прочь поразвлечься. Ни один мужчина перед ней не устоит, считала она. А этот хромой сокрушает ее веру в себя, в свою неотразимость.

Сегодня она решила добиться его расположения во что бы то ни стало.

— И что это мы загрустили? — пропела она, улыбаясь Ивану. — Война у вас позади, радоваться надо и брать от жизни все.

Иван промолчал, давая понять, что говорить не желает.

Людмила поджала губы, молча поправила простыни, подушку, оглядела его худое тело со всех сторон, бросила дерзкий взгляд, как говорят, с головы до ног и усмехнулась:

— Не думаю, что ты будешь интересен женщине. Ты же не мужчина, а кусок железа.

— Возможно. Поищи мужчину в другом месте.

— Обойдусь без твоих советов, — и быстро вышла, глубоко униженная его нежеланием даже взглянуть на нее, а она так старалась понравиться.

«Дубина деревенская! Что он смыслит в любви».

Время текло медленно. Порой казалось, что часы остановились. А раны, как назло, не заживали. Во время перевязок врач недовольно смотрел на кровавые бинты и хмурился. Иван часами лежал молча, наблюдая за другими ранеными или глядя бездумно в одну точку. По ночам он кричал уже не так часто, но перед глазами по-прежнему полыхала земля и горело небо, словно навечно запечатленные в памяти фотосъемкой. Теперь Иван видел себя как бы со стороны: помнил свою боль за истерзанную Родину, горячее желание уничтожить врага, а потом пустота и он, раненый, беспомощный, на той страшной земле.

В такие минуты бессилия, когда понимаешь, что уже нельзя ничего изменить, ему пришла жестокая мысль — проверить Катюшку, так ли уж она его вправду любит или только притворяется.

После обеда, когда раненые погрузились в сон, Иван написал жене письмо. Он сообщил, что война для него давно окончилась, лежит в госпитале, без ног и левой руки. Обузой ей быть не желает. В конце приписка: «Разве ты примешь такого калеку? Иван».

Письмо получилось сухое и горькое, но Иван быстро свернул из него треугольник, написал адрес и попросил медсестру отнести на почту.

Сердце разрывалось от терзания совести и от жалости к себе. Он боялся получить от Катюшки отказ и хотел этого, чтобы хоть как-то оправдать свою холодность к ней и тягу к другой женщине.

Двадцать второе февраля, день рождения Ивана, стало поворотным днем в его судьбе. Уже начиная со следующего года он будет отмечать день рождения только двадцать третьего, объясняя это тем, что просто любит этот праздник, годовщину армии... А в тот раз он почти забыл о дне рождения, вернее, накануне помнил, а в тот день забыл, как вдруг появилась она, Людмила, в ярком платье, бусах, накрашенная и надушенная. На какое-то время показалось, что нет войны, а вокруг красивые нарядные женщины. Людмила вынула из сумки кастрюлю, обернутую полотенцем, и по палате разнесся домашний дух горячей картошки. А через минуту на тумбочке появились соленые хрустящие огурчики, кусок сала и банка варенья.

— С днем рождения, милоч, — ласково, словно и не сердилась на Ивана, произнесла она и поцеловала его в щеку.

Раненые зашевелились, заулыбались. Каждый сказал что-то хорошее в своем пожелании. А Николай Михайлович потечески похлопал по плечу:

— День рождения в юности — вера в счастливое будущее, в зрелые годы — воспоминание обо всем хорошем, что было в жизни, и надежда, что лучшее еще впереди. Хочу пожелать тебе веры и надежды. Будь оптимистом, ты же дрался на фронте, а на госпитальной койке сник. Дерись за жизнь и сейчас!

Поднял стакан с водой, чокнулся со стаканом Ивана и выпил, добавив:

— Русские никогда не сдаются!

Вечером, когда Людмила пришла на дежурство, Иван взял ее руку в свою, извинился за грубость и поблагодарил за внимание. Снова захотелось жить, любить, мечтать. При первой же возможности попросил врача разрешить вставать с постели. Первые пробы его расстроили: голова кружилась, сил в здоровой ноге совсем не было. Иван тут же повалился в кровать. Но он стискивал зубы и повторял все снова и снова. Старался подольше сидеть, а не лежать. Потом ему принесли костыли, и начались активные тренировки. Дмитрий, рослый белокурый парень, помогал ему делать первые шаги на костылях, потом еще и еще. Они подружились. Дмитрий рассказывал о своих боях, о доме, о невесте, потом поведал о том последнем бое, когда задрожала земля, от стен окопа полетели пласты земли и хлынула из носа и ушей кровь. Больше он ничего не помнил. Слава Богу, силы начали возвращаться потихоньку.

Теперь Иван не тратил времени зря, а учился ходить. За окнами госпиталя еще стояла зима, слышался дальний звон церковного колокола. Это был медово-тягучий звук, и Ивану нестерпимо захотелось пройти по снегу, ощутить себя частичей мирной жизни, увидеть ту церковь и все вокруг.

Но прошло немало времени, прежде чем врач разрешил выходить на свежий воздух. Сначала Иван задохнулся, таким неожиданно холодным был воздух, по спине пробежал озноб. Однако вскоре он справился с этой проблемой и попробовал идти по снегу. Нога тут же подвернулась, и устоял он только благодаря костылям. По гладкому полу госпиталя ходить было гораздо легче. Но Ивана радовал снег, морозный воздух и уже то, что он на своих ногах, неважно пока на каких. Через несколько дней шофер госпиталя по пути за продуктами прокатил Ивана по улицам Вологды. Он увидел деревянные дома, украшенные резьбой на любой вкус, Спасо-Прилуцкий монастырь с крепкими каменными стенами. А больше всего Ивана поразил знаменитый Софийский собор XVI — XIX веков. Глубокий снег в предсумеречное время казался синим, а собор на его фоне выглядел розовато-белым, словно сказочным. У Ивана дух захватило — вот она, история! Прикованный к постели, он ненавидел и госпиталь, и этот город. А сейчас вдруг почувствовал расположение к нему и интерес. Хотелось петь. Мысли о доме он гнал прочь, так как было стыдно даже перед собой за совершенную глупость, он прекрасно представлял, каково будет Катюшке и ее родителям по получении такого письма. А внутренний голос упрямо твердил: посмотрим.

В начале апреля Людмила куда-то исчезла. От медсестер Иван узнал, что она получила похоронку на мужа. Чуткий к горю чужих, а тем более знакомых, он решил выразить ей соболезнование. Узнал у подруги Людмилы адрес и заковылял по незнакомой тропинке к ее дому. Нашел без труда. Это был небольшой домик с резными ставнями и крылечком, с зеленой калиткой между двух берез. Потоптался, поскрипывая костылями, и постучал в дверь.

Людмила ахнула, увидев Ивана, лицо зарделось.

— Ты? О Господи!.. — и села на табуретку. — Как ты дошел? — Спихотившись, усадила Ивана на широкий стул, обтянутый черной кожей, помогла снять шинель.

В комнате было тепло, от печки еще исходил дровяной дух. На стене тикали ходики. Людмила поставила чайник на печь, собрала на стол небогатое угощение, достала из шкафчика пузырек спиртного, разлила по стопкам:

— Помянем Вадима, пусть земля ему будет пухом, — и выпила. Налила еще раз и опять выпила, отводя заплаканные глаза.

Посидели молча, потом она быстро, словно боялась, что

ее прервут, стала говорить, каким хорошим и добрым человеком был ее Вадим, каким внимательным мужем и заботливым отцом. Она, конечно, и мизинца его не стоит. Всегда чего-то искала в жизни, мало любила его и ценила. Только в разлуке поняла, что жила неверно — и вот нет его.

— Как же мне попросить у него прощения? — произнесла она с болью и залилась горькими слезами, от рыданий плечи ее содрогались, слезы лились ручьем. Иван не мешал: пусть выплачется, легче станет. Потом тихонько погладил ее по голове, по плечам. Людмила резко выпрямилась и вдруг обвинила его шею руками, стала страстно целовать его лицо, глаза, уши, губы. Кровь прихлынула к голове Ивана, по телу пробежала дикая волна забытой страсти и смысла на своем пути все препоны...

Пришел он в себя, когда было уже поздно. Людмила тихо лежала рядом, успокоенная и молчаливая. Иван оделся, не поднимая глаз, коря себя за случившееся, вышел за дверь, осторожно прикрыв ее.

А в госпитале его ждало письмо из дома. Катюшка, милая Катюшка писала, что любит, всегда ждет, не важно, с ногами или без ног, пусть только скорее возвращается в их дом, где подрастает их сынишка.

Лицо горело от стыда: как мог усомниться в ней, как мог изменить ей? И весь последующий месяц он терзался мыслями раскаяния, знал, что прощения ему нет и никогда не будет.

Николай Михайлович видел резкую перемену в поведении Ивана и как-то во время прогулки попросил:

— Расскажи мне все. Я, может быть, и не смогу тебе помочь, но каждому в такой момент нужно, чтобы его выслушали.

Закурили. Помолчали.

— Ты переживаешь, что ранен? Но у тебя есть любимая жена, сам же говорил. С хорошей женой можно прожить долго и не заметить прожитых лет. — Николай Михайлович выпустил струю дыма и долго наблюдал, как она медленно расходится и исчезает в воздухе.

— Я больше не вернусь к жене, — выдавил из себя Иван.

— Она полюбила другого?

— Нет. Она как раз ни при чем. Это я предал ее.

Голос Ивана выдавал его волнение.

— Расскажи-ка мне все, — участливо и требовательно повторил Николай Михайлович. — Каждому в такой момент нелегко.

Услышав слово «каждому», Иван почувствовал, как его личное горе превратилось во всеобщее, словно все люди обречены на страдания от любви, и Иван без утайки поведал Николаю Михайловичу все-все.

— Не убивайся. Хорошо, что ты понял это все сам. У тебя есть надежда, что будешь понят и прощен. Дом — это то место, где тебя прощают и понимают. Часто случается, что настоящую силу любви открываешь, когда переспишь с другой женщиной.

Перед майскими праздниками Ивана осмотрела целая группа врачей, и он был комиссован. На другой день его в сопровождении медработницы отправили поездом домой.

В конце марта пришло долгожданное письмо от Ивана. Катюшка с Шуркой были в телятнике. Только что корова Зорька принесла бычка, и они, радуясь приплоду, быстро переделали всю работу и сейчас собирались домой. Федька работал поблизости, в МТС. Он возился с ремонтом старенького трактора, когда увидел почтальоншу с письмом для Кати. За месяцы войны он вытянулся, повзрослел и с нетерпением ждал первого парохода, чтобы отправиться на фронт. А вести приходили тяжелые. В районной газете читал, что фашисты зверствуют, глумятся над населением городов, сел, деревень, бьют прикладами, топчут сапогами, выламывают пальцы и зубы, разлучают матерей с детьми. Федька не находил оправдания этой жестокости. С детства видел доброту, заботу со стороны всех, кто его окружал. А во время войны люди делились друг с другом последним и все что могли отдавали фронту. После того, как мать слегла, получив извещение о пропаже Миши, Федька с тревогой думал о братьях и сестрах. Поэтому, увидев письмо для Кати, он решил быть рядом

с ней в эту минуту. Взяв письмо, он направился к телятнику. Катюшка давно ждала весточки от мужа, но не запрыгала от радости, как это было бы в мирное время, а осторожно взяла солдатский треугольник из рук брата, чуть помедлила и решительно развернула.

«...Суровые дни настали для нашей страны. Враг почти непрерывно ведет огонь по нашим позициям, в занятых районах чинит кровавые расправы. Это изверг. Но для старшины Ивана П. война закончилась. Остался без ног и руки. Разве я нужен тебе с культями? Не унывай. В такой серьезный момент нельзя унывать. У тебя еще будет счастье...»

Не веря своим глазам, Катюшка еще и еще раз пробежала глазами по строчкам. Ни одного ласкового слова. Может, не Иван прислал это письмо? Какая-то ошибка? Почерк его. Еще раз перечитала адрес, все сходится. Брат и сестра осторожно спросили, что случилось, но не получили ответа. Катюшка, бледная, с глазами полными слез, не выпуская из рук письма, смотрела куда-то вдаль, словно пыталась разглядеть в той далекой дали своего Ивана. Яркое весеннее солнце и белый снег слепили так, что глазам было больно. Федор и Шурка медленно пошли от телятника, проваливаясь в подтаявшем снегу. Они поняли, что Катюшке надо побыть одной.

Она перечитала письмо медленно, вслух, словно для больного старого человека. Сухие казенные слова никак не вязались с ярким солнцем, легким дуновением ветерка и началом пробуждения природы. Она представила мужа куклой в бинтах на госпитальной кровати, и сердце ее сжалось. Конечно, Иван страдает, ему больно и одиноко, и он не хочет стать ей обузой из гордости, потому и написал такое письмо. Боже мой, да разве можно считать обузой мужа или жену, ведь, обмениваясь обручальными колечками, они дают клятву верности в болезни и здравии, в горе и радости. Если они любят друг друга. Если бережно хранят в памяти лучшие мгновения своей жизни, выделив их из тысячи других, потому что это были мгновения их счастья. И в сыночке Генке течет кровь обоих, отца и матери.

В тот же вечер Катюшка вышла навстречу судьбе, написав мужу нежное письмо, полное любви и желания быть с ним, пусть безногим и безруким.

Встреча парохода — всегда радостное событие для живущих у реки. А сегодня ждали фронтовика, и каждая женщина робко надеялась, что муж, сын или брат неожиданно, без предупреждения, живой вернется домой. Все молча, во все глаза, смотрели на приближающуюся громаду парохода.

Катюшка держала сына за руку, искала глазами среди пассажиров на палубе дорогое ей лицо, а слух машинально улавливал абсолютно все: неожиданный, как всегда, бас пароходного гудка, звон якорной цепи, затихающую, словно биение сердца, работу машины, звук выдвигаемого трапа.

И вдруг она увидела Ивана. На своих ногах! Он стоял, широко раздвинув ноги, опираясь на костыли.

Катюшка провела ладонью по глазам, словно проверяя зрение: сомнений нет, Иван машет левой рукой.

— Господи, какое чудо, и руки, и ноги целы, — прошептала Катюшка сама себе и кинулась к трапу.

Боясь причинить мужу боль, она осторожно припала головой к его груди, зажмурился от счастья глаза. Иван приобнял Катюшку как-то неловко, с виноватой улыбкой, а она, почувствовав что-то неладное, тут же отпрянула.

Уже через час в избу набилось полно баб и ребятишек. Всем хотелось узнать, как там, на фронте. Каждая надеялась узнать что-нибудь о своем муже.

Иван сидел на передней лавке под образами, держа на коленях сына. Рядом — Катюшка. Отец все поглядывал на мальчика, узнавая в нем свои и Катины черты, целовал его пальчики, пухленькие щечки. Отвечал на вопросы сельчан.

Раньше по праздникам шумел-гулял ждановский дом, хозяйка умели угостить гостей. После пляски опять садились за стол, ели, пили. Кто-нибудь затягивал песню, ее подхватывали все, так, что огонь в лампе дрожал. А теперь гуляли скромно, не получалось веселья, каждой семье коснулась война. Больше говорили...

Со дня приезда мужа жизнь для Катюшки стала пыткой. Иван внешне вел себя ровно. Решал кое-какие хозяйственные вопросы, вел мужские разговоры о жизни, о войне, выполнял самую немудреную работу по дому. А больше отдыхал, так как при каждом неосторожном шаге нога подворачивалась, и Иван падал навзничь, если не успевал опереться на костыли. Катя понимала страдания мужа, видела, что ему трудно чувствовать себя беспомощным, и сначала объясняла перемену в его поведении именно этим. Но время шло, а он не проявлял никаких знаков внимания к жене, был даже более сух, чем бывал в отношении к сестре. Каждое утро Катя делала перевязку ран мужа, теперь уже ловко, и с улыбкой вспоминала свои первые перевязки, свой страх перед кровью. Теперь она стирала окровавленные бинты, кипятила их, проглаживала горячим утюгом. А потом каждой клеточкой испытывала огромную любовь к дорогому ей человеку, касаясь его тела пальцами рук. Над деревней плыли сладчайшие запахи спелого лета с утра и до поздней ночи. Они полонили, оплетали с головы до пят, волновали молодую кровь. А Иван словно окаменел. После ужина он уходил в дальний конец огорода, к бане, долго сидел на вкопанной им еще до войны в землю скамейке, наблюдая мерцание огней бакенов на реке и догорание дня. Спать укладывался в бане.

Деревенские молодки завидовали Кате — муж вернулся домой живехоньким. А ей приходилось кусать губы, чтобы не разреветься у всех на глазах, улыбкой подбадривать каждую, как раньше, а по ночам реветь белугой от одиночества, от боли, которая впивается в тело, к которой нельзя привыкнуть. Уткнувшись в подушку, заливалась слезами горечи и жалости к себе в этой ночной пустоте. И только когда засыпала, приходило облегчение. А все, что скопилось в ней за время одиночества — нежность, ласку, заботу и верность, — Катюшка отдавала сынишке.

Однажды под вечер она забежала к подруге. Та с тревогой взглянула на Катю, в грустных глазах которой плескалась невыносимая боль, — и вдруг сорвалась:

— Он наверняка нашел себе там подругу. А ты, как дурочка, письма ждала. Обманывал он тебя, подлый. Все они такие, мужики. За каждой юбкой волочатся.

Катюшка побледнела. В висках застучало... Он не любил ее! Значит, никогда не любил ее, если завел себе подругу! Почему? Как он мог? Обмануть ее ожидания? А она считала его самым надежным... Кровь прилила к лицу, стало жарко, казалось, она вот-вот задохнется от бессилия и боли, которые стискивали ее грудь.

— Все мужики — жеребцы, не удержишь от соблазна, —

продолжала меж тем Шурка. — Даже в горький для страны час у них одно на уме.

— Замолчи... Не говори мне больше ничего, — выдавила из себя Катюшка и выбежала за дверь.

Ветер дул в пылающее лицо Кати, а она все ускоряла шаги, сама не ведая, куда несут ее ноги.

Очутившись у своего камня, она упала на него плашмя и разразилась рыданиями. Жизнь не представляла больше ценности, все померкло. Хотелось умереть, исчезнуть совсем. Солнце садилось. Закат разгорался, как пожар, и казалось, что волны дымятся, накатываясь на раскаленную докрасна гальку, — это заметила Катя, когда подняла голову на звук чьих-то осторожных шагов по берегу. Некоторое время сидела не оглядываясь. Катюшка быстро умылась, Потом, зачерпнув ладонями воду из реки, ополоснула заплаканное лицо и выпрямилась. Учитель подошел, молча постоял у воды, шагнул на камень и сел рядом с молодой женщиной. Воздух начинал густеть, от реки повеяло прохладой.

О причине ее страданий знал только он, только ему доверил Иван свою тайну — в поиске не утешения, нет, и не оправдания своего поступка, а из желания опереться на мудрость человека, лучше, чем он, понимавшего жизнь.

Чувства приходят к нам внезапно. Мы интуитивно угадываем будущие отношения с понравившимся нам человеком, души наши трепещут, но мы понимаем и то, что обиды не проходят в сердце до конца. Иван ненавидел низость, неверность — и не знал теперь, как помочь себе. Вольные ветры вдали от фронта, сочные высокие травы, нежный, влюбленный взгляд жены, напевы гармошки вечерами — самое время было радоваться жизни, забыть ужасы войны, к тому же Катюшка никогда не узнала бы об измене мужа. Но Иван не мог простить сам себя, и душа его была беззащитна.

— Дружочек, послушай, — обратился учитель к Катюшке, — я понимаю, что незваный гость хуже дождя во время сенокоса, но я хочу сказать одну вещь. Знаю, как тяжело тебе, как тяжело Ивану, но постарайся понять его и простить. Неумение и нежелание понять приводят к трагическому концу. Ты ведь сибирячка. А сибиряки крепкие люди, они умеют побеждать трудности. У тебя получится тоже.

Катюшка смотрела на учителя опухшими от слез глазами, верила каждому слову этого человека и постепенно приходила в себя. А дома, еще и еще раз проанализировав поведение мужа, она твердо решила последовать совету учителя — успокоиться, не торопить время, не поддаваться отчаянию, все будет хорошо.

Надежда Губанова

Надежда Губанова — учитель Новгородской школы Свободненского района, победитель районного конкурса «Учитель года-2002». В 2001 году стала членом Свободненского литобъединения.

ОСЕННИЕ БУСЫ

Когда кричат печально гуси
И на крыле тепло уносят,
Я примеряю чудо-бусы —
Их на крыльцо бросает осень.
На тонкой нити паутины,
Что отливает серебром,
Как яхонт, ягоды рябины,
Горит шиповник янтарем.
Кроваво-красная калина
Мерцает жарко, как рубины,
Как свечки, пламенем неярким
Пылают ягоды боярки.
Гласит народное поверье,
Что охраняет ожерелье
От сглаза, порчи и напасти.
Владелец их узнает счастье.

САРАНКА

Я из дома уйду
Завтра спозаранку.
В этот день на лугу
Зацветут саранки.
На лугу правит бал
Разноцвет амурский.
Королевою там
Лилия даурская.
Иван-чай — кавалер —
Вышел на полянку,
Лучше всех королев
Для него саранка.
Я на луг не шагну —
Бал боюсь нарушить.
На тропе постою,
Успокою душу.